

УДК 323.2

Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И.

Сургутский государственный университет

628412, г. Сургут, пр. Ленина, д. 1, Российская Федерация

КОНЦЕПТ ПАТРИОТИЗМА В ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является обоснование закономерностей, повторяющихся тенденций развития концепта патриотизма в политической идеологии. В качестве «лаборатории» исследования этих закономерностей используется античное общество. Поскольку оно очень простое по своей социальной структуре, его мировоззренческие, в том числе патриотические, установки предстают в политической идеологии Античности в предельно ясном, рафинированном виде. Рассматриваются варианты концептуализации понятий «гражданский долг» и «патриотизм» на материале политических идей Античности. Подчёркивается, что становление концепта «патриотизм» прямо связано с формированием гражданской идентичности. Эволюция концепта отражает существенные изменения в обществе, в том числе детерминируемые социальной дифференциацией. Концепты патриотизма не являются просто инструментами идеологической борьбы между различными политическими силами, а имеют более глубокую природу, отражая существенные изменения в обществе. Исследование этой эволюции позволяет выявить закономерности, которые отражаются и в современных политических трендах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

гражданский долг, патриотизм, гражданская идентичность, политические идеи Античности.

M. Martynov, A. Gaberkorn

Surgut State University

1 Lenina ul., Surgut 628412, Russian Federation

THE CONCEPT OF PATRIOTISM IN PROCESSES OF CIVIL IDENTITY FORMATION

ABSTRACT

The aim of the article is to found the regularities, the recurring tendencies in the development of the patriotism concept in political ideology. Ancient society is

used as a “laboratory” for studying these regularities. Since it is very simple in its social structure, its worldview paradigms, including patriotic ones, appear in the political ideology of antiquity in an extremely clear, refined form. The article considers versions of conceptualization of “civic duty” and “patriotism” in the political ideas of Antiquity. It emphasizes that the concept formation of “patriotism” is directly related to the civil identity formation. The evolution of the concept reflects significant changes in the society including those determined by social differentiation. The article indicates that the concepts of patriotism are not just tools of ideological struggle between different political forces, but having a deeper nature, they reflect significant changes in society. The study of this evolution allows us to reveal the patterns that are reflected in the modern political trends.

KEY WORDS:

civic duty, patriotism, civil identity, political ideas of Antiquity.

ВВЕДЕНИЕ

Концепт патриотизма оказался в центре не только научных, но и политических дискуссий в силу всё чаще проявляющихся в последнее время политических противоречий между процессами глобализации и идеями сохранения национально-ориентированной государственности. Развернувшаяся вследствие этого настоящая «борьба за идентичность» по своему накалу скоро, вероятно, не будет уступать идеологическим битвам прежних эпох. И именно патриотизм является основным дискуссионным концептом («сущностно оспариваемым понятием», по определению В. Гэлли), связанным с идентичностью. Ведь, как совершенно справедливо отмечает А.В. Абрамов: «...Каким бы ни был выбранный ракурс изучения идентичности, важнейшим её элементом выступает патриотизм. Он является и показателем принадлежности гражданина к социальной системе (Родине, Отечеству, стране), и маркером самоидентификации общества в целом» [2, с. 216].

При этом исследователи подчёркивают особую сложность концептуализации понятия «патриотизм», поскольку его «...определения создаются и множатся в соответствии с разными идеологическими трендами. Происходит их операционализация в конкретных политологических и философских исследованиях и политических текстах, в публичных выступлениях деятелей, придерживающихся консервативной, либеральной, коммунистической или иной идеологической ориентации» [5, с. 2].

Более того, некоторые авторы высказывают точку зрения, что вообще невозможно найти общее, некий «центр» в определении патриотизма, с которым бы все участники дискуссий согласились, поскольку всё равно «...различные исследователи будут по-разному определять сам Центр: какое именно из многочисленных толкований “патриотизма” признать наиболее точным по смыслу и совершенным по форме» [5, с. 3].

Последнее утверждение, правда, нуждается в некотором уточнении. Определение любому понятию в виде предельно общей, т. н. «тощей» абстракции всё-таки необходимо дать, иначе познавательный процесс просто не состоится. И предикатами содержания патриотизма, вероятно, выступают понятия «долженствование» и «гражданский долг». Но эвристический потенциал этого определения без дальнейшей содержательной конкретизации, без последующей концептуализации, действительно, оказывается невысоким.

В то же время, отметим, что такая конкретизация, содержательное наполнение понятия «патриотизм» должно опираться на исследование эволюции этого концепта с самых первых этапов его развития, в частности в античной политической мысли. Причём эволюция содержания данного концепта в политических идеях Античности позволяет, наш взгляд, выявить некие закономерности, которые, вполне возможно, проявляются и сегодня.

КОНЦЕПТ ПАТРИОТИЗМА НА РАННИХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ИДЕОЛОГИИ АНТИЧНОГО ПОЛИСА

Концепт патриотизма отнюдь не сразу оформился в полисной политической идеологии. И дело здесь было не только в недостаточной развитости политической мысли. На первом – классическом – этапе развития полисной демократии, о котором мы можем судить, например, по «Афинской политике» Аристотеля, ещё не проявились внутренние социальные противоречия греческого общества. В таком обществе, где поле общественного интереса достаточно обширно, а партикулярные интересы практически отсутствуют, нет и иных концептуальных дискурсов, помимо доминирующего. Единство граждан, основанное на неукоснительном исполнении ими гражданского долга, воспринимается как нечто само собой разумеющееся. «Только при единомыслии могут быть совершаемы великие дела...», – предельно лаконично концептуализирует проблему Демокрит [цит. по: 8, с. 168]. Политическое в мировоззрении греков на этом этапе ещё не отделено от природного, космического. «Любовь к родной земле», «любовь к Отечеству», «долг», «закон», «Логос», «фатум» для жителя Эллады той поры суть синонимы. Назовем это «синкретичным концептом» патриотизма и гражданского долга, свойственного, вероятно, любому обществу на фазе восходящего развития.

В космоцентристской модели греков само гражданское долженствование изначально рассматривалось как часть более общего – космического – миропорядка, в котором господствует принцип превалирования целого над частью, а значит – и интересов государства, полиса над личным, частным. Причём это мироощущение подкреплялось рациональными «научными» доказательствами, связанными с поисками «общего», давая тем самым толчок развитию физики и натурфилософии.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА ПАТРИОТИЗМА В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО КРИЗИСА

Ситуация кардинально изменилась в конце V в. до н. э. в связи с начавшимся кризисом полиса. Внешне он выглядел как кризис ценностный, но его причиной стали углубление социальной дифференциации граждан и, соответственно, сужение поля общего интереса.

Известный отечественный философ М. Лифшиц в свое время высказал мысль, что, чем более разнородным становилось греческое общество в социальном плане, тем большее внимание уделялось идеологии и доказательству необходимости выполнения гражданского долга. «Раскол общества, вызванный победой частных интересов, ... усиливает потребность в непропорционально развитой надстройке, воплощающей общественное начало и принадлежность каждого индивида к традициям его племени», – отмечал М. Лифшиц [6, с. 16].

С одной стороны, кризис вызвал к жизни ортодоксальное философское учение, ещё более радикально решавшее проблему обоснования концепции патриотизма средствами онтологии и физики. Опираясь на атомистическую физическую картину мира, Демокрит формулирует идеи жёсткого детерминизма, не оставляющего места личной свободе, а значит, сомнениям в необходимости исполнения гражданского долга.

С другой стороны, столь же очевидно, что в основе учения софистов лежит сугубо политическая проблематика гражданского и патриотического долга. Уход софистов от проблематики натурфилософии был обязан отнюдь не пробудившемуся вдруг интересу к внутреннему миру человека, как подчас считают, а куда более важным и политически ангажированным целям. Кризис полиса и общих полисных ценностей в силу углублявшейся имущественной дифференциации должен был поставить под сомнение объективность существования самого «общего» и, соответственно, вызвать критику прежней концепции патриотизма.

Основу этого софистического подхода составило доказательство земного, человеческого, а не космического происхождения законов полиса. Поэтому гражданский долг лишается своего «макрокосмического» обоснования и превращается в концепт, в инструмент борьбы разных политических сил за свою выгоду.

Фактически именно софисты впервые формулируют проблему концептуализации понятий «гражданский долг» и «патриотизм». Они впервые рассматривают патриотизм как политический феномен, выделяя его из синкретичной трактовки универсального чувства «любви к Родине». Более того, они, также впервые, говорят о возможности использования этого концепта в целях политических манипуляций и прямо обвиняют в этом политиков. Софист Фрасимах заявляет в диалоге, который приводит Платон: «Справедливость, утверждаю я, это то, что пригодно сильнейшему» [9, с. 757]. В каждом

государстве, далее развивает свою мысль софист, силу имеет тот, кто стоит у власти, и, обладая ею, устанавливает законы, т. е. «то, что пригодно для сильнейшего», в свою пользу [9, с. 757]. Софисты указывают на возможность владеющего властью манипулировать людьми, навязывая выгодные ему идеи, включая понятие гражданского долга, которое, в сущности, есть «...чужое благо, это нечто, устраивающее сильнейшего, правителя, а для подневольного исполнителя это чистый вред...» [9, с. 762].

Анализ софистами концепта гражданского долга с критических позиций, безусловно, являлся шагом вперёд в осмыслении понятия, однако в целом эта трактовка, фактически отрицающая объективные основания патриотизма, носила разрушительный для полиса характер, «...свидетельствуя о начавшемся процессе кризиса традиционного уклада полиса, греческого города-государства» [8, с. 133].

ПАТРИОТИЗМ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОНСОЛИДАЦИИ СОЦИАЛЬНО РАСКОЛОТОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЕГО КРИЗИСА

Появление работ Сократа, Платона и Аристотеля, составивших вершину античной политической мысли, были ответом, реакцией на софистическую критику гражданского долженствования. Каждый из этих трёх мыслителей предложил свой вариант спасения концепта и, соответственно, всего полисного общества.

Сократа по праву считают основоположником этики – науки о морали. Философ видел, что натурфилософская аргументация в отношении гражданского долга и патриотизма, даже в её высшем – демокритовском – исполнении, потеряла свою убеждающую силу. И мыслитель предлагает принципиально новое содержательное наполнение концепта гражданского долга – нормативно-нравственное. В его основе лежит мировоззренческий принцип превалирования общего над единичным, частным, но «общего» уже не материального, физического, а духовного, идеального. Это, к слову, в дальнейшем послужило основой появления системы объективного идеализма. Но для самого Сократа гораздо важнее было решение актуальной политической задачи – возвращения идее гражданского долга его прежней мировоззренческой силы.

Моральные нормы в трактовке философа носят объективный характер. Они не создаются человеком по желанию и в соответствии с его интересом, как это утверждали софисты. Применяя эту идею первичности общих понятий и моральных норм к обществу и человеческому поведению, философ утверждает, соответственно, и первичность интересов полиса, Отечества перед интересами гражданина. В работе «Критон», объясняя отказ бежать из тюрьмы, чтобы избежать несправедливого наказания, Сократ ведёт диалог с Государством и Законами, представляющими Отечество. Эти воображаемые собеседники обращаются к нему со словами: «...Неужели ты считаешь, что твои права и наши права равны? И что бы мы не были на-

меры с тобою сделать, неужели ты этому будешь противодействовать... Или ты уже настолько мудр, что не замечаешь, что Отечество дороже и матери, и отца, и всех остальных предков, что оно более почтено, более свято и имеет больше значения и у богов, и у людей – у тех, у кого есть ум – и перед ним надо благоговеть, ему покоряться, и если оно разгневано, угрожать ему больше, чем родному отцу? Надо его переубедить, либо исполнять то, что оно велит...» [9, с. 41].

Сократ допускает возможность выбора гражданином Отечества. Но если этот выбор сделан, то гражданин должен абсолютно подчиняться этому Отечеству свои интересы [9, с. 41–42]. «И на войне, и на суде, и повсюду надо исполнять то, что велит Государство и Отечество...», – утверждал афинский мыслитель [9, с. 41].

С сократовских времён это отождествление патриотизма с моральным, нравственным долгом стало неременным атрибутом данного концепта. Сегодня не найдётся научного исследования или публичного выступления на данную тему, где бы рефреном не звучала эта мысль. Однако взаимосвязь патриотизма и морального долга, столь очевидная теоретически, оказалась столь же трудно осуществимой практически. Не случайно, например, современный социолог, исследовав стратегии социальных групп российского общества, делает вывод о несовместимости этих стратегий бизнес-элиты, административно-политической и части интеллектуальной элиты российского общества с нравственными принципами патриотизма [7, с. 146].

Эта проблема встала и перед Сократом. Действительно, сформулировав концепт нравственного долга граждан перед Отечеством, он не смог реализовать его на практике, не обнаружив в своих согражданах, по сути, живущих в условиях уже не столько демократической, сколько охлократической политической системы, необходимой нравственной силы для принятия идеи этого гражданского долга, основанного на моральном убеждении. Попытка же моральным просветительством подвигнуть сограждан на нравственное перерождение, как известно, закончилась для мыслителя трагически.

В отличие от Сократа, Платон пытается обосновать свой концепт патриотизма на более прочном фундаменте. Заслугой мыслителя в углублении концепта явилось глубокое понимание причин кризиса самой идеи гражданского должествования. Он справедливо усматривает её в имущественном расщеплении. С этого момента и до сегодняшнего дня дискуссия вокруг концепта патриотизма обрела особую полемическую заострённость: нравственно ли в условиях социально дифференцированного общества добиваться патриотического поведения? Ведь это способствует сохранению социально несправедливого, с точки зрения значительной части граждан, устройства.

Сам Платон решил эту проблему радикально, предложив, как известно, просто ликвидировать основной источник социального расщепления, а значит, и возможность непатриотического поведения – частную собственность.

Коммунистические идеи Платона неоднократно становились предметом научного анализа, в том числе и критического, и нам нет необходимости на них подробно останавливаться. Подчеркнем лишь, что без учёта взглядов Платона на социальные условия формирования патриотизма описание эволюции представлений об этом концепте выглядело бы неполным. Но в то же время верно и обратное. Невозможно составить представление о взглядах афинского мыслителя вне контекста трактовки им этой проблемы. Точнее, в таком случае это представление приобретает поверхностный или даже некорректный характер.

Например, один из известных критиков Платона К. Поппер полагал, что «в нравственном отношении политическая программа Платона не выходит за рамки тоталитаризма и в своей основе тождественна ему» [10, с. 124]. Подобные обвинения в тоталитаризме, антидемократизме в адрес афинского мыслителя, которым американский философ посвятил целую книгу, выглядят достаточно странно, если мы вспомним, что своим проектом Платон как раз и пытался спасти демократическое устройство в греческих городах-государствах. Платон, как позже и его ученик Аристотель отвергают не демократию вообще, а её тогдашнюю охлократическую форму. И им обоим было совершенно очевидно, что подлинная демократия может существовать, лишь основываясь на осознанном выполнении гражданского патриотического долга членами общества. Другое дело, что путь реставрации этого чувства в сознании и поведении граждан, предложенный Платоном, оказался столь же трудно реализуем, как и проект Сократа.

Впрочем, античные мыслители, надо полагать, не хуже современного американского автора понимали эти трудности. В поисках опоры для концепта патриотизма Сократ был вынужден даже обратиться к рассудочной аргументации, пытаясь логически доказать выгоду для граждан полиса выполнения гражданского долга. По представлению философа, дефицит патриотизма связан просто с непониманием гражданами значения этой добродетели, и достаточно лишь объяснить её важность, чтобы все граждане эту добродетель обрели. Однако подобная интеллектуализация морали, в том числе отождествлявшая патриотизм просто со знанием содержания этого понятия, по сути, убивала саму идею нравственной основы гражданского долгоствования, формируя пассивно созерцательную модель патриотизма.

К слову, именно эту модель мы сегодня нередко видим в качестве методологического инструментария, используемого при интерпретации результатов социологических опросов на патриотическую тематику, когда определение доли «патриотов» осуществляется по числу респондентов, считающих себя таковыми. Но ведь показать, является ли человек действительным, а не декларативным патриотом, может только деятельность, практика. Совершенно прав с этой точки зрения А.В. Абрамов, написавший: «Никакие патриотические чувства и идеи не будут эффективными, если они не станут

руководством к действию, не приобретут характера патриотической деятельности. А вот здесь и кроется серьёзная проблема. Как уже отмечалось выше, россияне готовы скорее рассуждать о патриотизме и праздновать, но не готовы действовать как патриоты» [3, с. 9, 10].

И здесь уместно обратиться к идеям ещё одного мыслителя – ученика Платона Аристотеля.

ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ПАТРИОТИЗМА АРИСТОТЕЛЯ

Все предшественники Аристотеля усматривали основу патриотического поведения во внешнем по отношению к человеку факторе. Для досократиков – это были законы Космоса, детерминирующие «микрокосм» человеческих поступков. Сократ, казалось бы, обратившийся вслед за софистами к внутреннему миру человека, тем не менее выносит источник должностояния также во вне – в мир объективных, существующих независимо от человека моральных понятий. Платон столь же однозначно указывает на внешнее условие в виде устранения частной собственности и учреждения общественной.

Новизна аристотелевского подхода заключалась в том, что ответственность за свой выбор в пользу гражданского долга и патриотического поведения должен нести сам человек. Только от него и от его выбора зависят, в конечном счёте, благополучие и судьба Отечества.

Сократ полагал, что для нравственно-патриотического поведения достаточно просто объяснить гражданину необходимость и правильность такого поведения. По Аристотелю, подобного «гражданского просвещения» явно недостаточно. Стагирит формулирует концепт патриотизма, который можно назвать «деятельностным».

Аристотель подчёркивает, что без усилий самого человека, без постоянной тренировки воли добродетели не формируются. «Действительно, добродетель, так же как и порочность, зависят от нас. И в чём мы властны совершать поступки, в том – и не совершать поступков, и в чем от нас зависит “нет”, в том и “да”. Следовательно, если от нас зависит совершать поступок, когда он прекрасен, то от нас же – не совершать его, когда он постыден...», – пишет мыслитель [4, с. 105].

Однако Стагирит понимал процесс формирования патриотизма гораздо более диалектично, чем предшественники, рассматривая его в единстве субъективных и объективных условий. «Наилучшая» форма правления не может ограничиваться только усилиями по воспитанию добродетелей патриотизма и гражданского долга, хотя это и немаловажно¹. Но оно должно в первую очередь обеспечить экономические интересы граждан. Только сохранение

¹ «Едва ли кто-нибудь будет сомневаться в том, что законодатель должен отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этого нет, и самый государственный строй терпит ущерб», – замечает Аристотель [4, с. 628].

«среднего класса», ограничение олигархата, с одной стороны, и блокирование пауперизации, с другой, становятся объективной основой формирования патриотизма. Если граждане обладают экономической самостоятельностью и занимают относительно одинаковое социальное положение, тогда на основе общего социально-политического интереса граждан и формируются общегосударственная идентичность и добродетели гражданского долга и патриотизма. Государство становится для граждан «своим» и действует в соответствии с их интересами, или с «пользой», как выражается Аристотель. Только при такой, «наилучшей», форме правления граждане следуют гражданскому патриотическому долгу, к которому «...побуждает и сознание общей пользы, поскольку на долю каждого приходится участие в прекрасной жизни: это по преимуществу и является целью, как для объединенной совокупности людей, так и для каждого человека в отдельности» [4, с. 105].

Очевидно, что к временам Аристотеля прежние концепты патриотизма и гражданского долженствования оказались несостоятельны. Углубляющаяся социальная дифференциация сделала невозможной прежнюю синкретичную трактовку концепта. Устранить это препятствие, отменив частную собственность в духе предложений Платона, было нереально, сократовское морализаторство на тему гражданского долга соотечественников только раздражало, а использование властью идеи патриотизма в манипулятивных целях подвергалось аргументированной критике софистами как политическое мошенничество.

Аристотель предлагает «деятельностную» и диалектичную модель патриотизма, условием которой выступает существование экономически самостоятельных, независимых в этом смысле от государства граждан, объединяемых идентичностью на основе общего экономического интереса. По сути, это была интерпретация платоновского «идеального» государства, адаптированного, по крайней мере, как казалось Стагириту, к реалиям позднего греческого полиса. Возможно, определённую надежду на реализацию этой модели ему давало установление в Греции власти македонян, сохранявших на тот момент в своём более архаичном общественном устройстве достаточно многочисленный «средний класс». Однако эти надежды не оправдались в силу достаточно быстрого распространения в среде македонян социальной дифференциации и охлократии. Нежелание ученика Аристотеля Александра Македонского реализовывать политические идеалы учителя, вероятно, и стало предпосылкой охлаждения отношений между ними.

Однако при этом сам македонский царь сформировал свой идеал идентичности и патриотизма, способный объединить граждан всей Эллады. Как можно в условиях демократии сохранить крупную собственность в руках немногих, сняв тем не менее глубокие социальные противоречия? Выход здесь был только один: чтобы не перераспределять ресурсов от богатых внутри страны, взять их извне – у других народов. Идея захвата Персидской импе-

рии стала основой формирования общегреческой идентичности и взрыва патриотического энтузиазма. Идеологическое обоснование Александром похода на Восток как общегреческого дела достаточно хорошо изучено, и нет необходимости на этом останавливаться.

Отметим, что эта модель патриотизма, назовем её «экстенсивной», стала затем закономерным итогом развития демократической политической системы. Рано или поздно оказываясь перед лицом беднеющих, но обладающих политическими правами граждан, олигархический режим неизбежно должен вести агрессивную внешнюю политику. В древности таковой стала эллинистическая Греция, а затем Римское государство. В Новое время как раз демократически устроенные западные страны превратили остальной мир в свои колонии. Национальная гражданская идентичность и патриотизм населения европейских стран покоился на прочном базисе общего интереса к ограблению колоний.

Например, современные исследователи, в частности Э. Хобсбаум, объясняют взрыв патриотизма в начале Первой мировой войны шовинистической пропагандой, отмечая, что «правительства воюющих держав были удивлены в 1914 г., когда обнаружили, что граждане их стран в яростном (хотя и недолгом) порыве патриотизма массами бросаются к оружию» [11, с. 141]. На самом деле ничего необычного в этом порыве нет, если вспомним причины Первой мировой войны. Она была развязана империалистическими державами за устранение экономических конкурентов и передел колоний. Но и в том, и в другом объективно была заинтересована значительная часть населения этих стран, получавшая свою долю, в том числе и от эксплуатации колоний. Это и объясняет главным образом патриотический энтузиазм граждан Англии, Франции и Германии на фронтах Первой мировой. Что же касается Российской и Австро-Венгерской империй, то интересам основной части граждан, которые были втянуты в неё элитой, она не отвечала. Отсюда и быстрое завершение «яростного порыва патриотизма».

ВЫВОДЫ

Таким образом, различные трактовки концепта патриотизма не являются простым инструментом идеологической борьбы между теми или иными политическими силами, а имеют более глубокую природу, отражая существенные социальные трансформации. Впервые эту эволюцию концепта можно было наблюдать на примере античного полиса.

«Синкретичный» концепт патриотизма был характерен для ранних этапов развития, когда общество ещё не было социально дифференцировано. По мере этой дифференциации появляются «морализаторские» модели, отождествляющие патриотическое и моральное должествование, и их противоположность – «критический» концепт, максимально политизирующий идею патриотизма и рассматривающий её как средство идеологического ма-

нипулирования. «Деятельностный» концепт, предложенный Аристотелем, в наибольшей мере отвечает интересам граждан, предполагая формирование социально справедливых общественных отношений, а значит, и политических институтов, отражающих эти интересы. Для современного, в том числе для российского общества, это естественная и наиболее устойчивая основа формирования патриотического сознания. Особенно важно, что патриотизм «как сочетание национальной и интернациональной составляющей видится весьма продуктивным и в свете современной глобализации, провозглашающей “единство многообразия”» [1, с. 70].

Альтернативой является националистический, разрушительный, агрессивный по отношению к другим народам вариант патриотизма, формирующийся в странах с демократической политической системой на её заключительном – охлократическом – этапе развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Патриотизм как фактор эффективного развития российской государственности. М.: Московский дом национальностей, 2015. 368 с.
2. Абрамов А.В. Современный российский патриотизм как маркер гражданской идентичности личности и общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 3. С. 215–221.
3. Абрамов А.В. Современный российский патриотизм: каков он? // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2013. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 09.06.2018).
4. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 830 с.
5. Вилков А.А., Колесников К.Ю. Особенности предметного пространства политологического анализа патриотизма // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 09.06.2018).
6. Лифшиц М. Мифология древняя и современная. М.: Искусство, 1979. 582 с.
7. Магарил С.А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142–151.
8. Нерсесянц В.С. Политические учения Древней Греции. М.: Наука, 1979. 262 с.
9. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2016. 1311 с.
10. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1. Чары Платона. М.: Феникс, 1992. 448 с.
11. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / пер. с англ. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.

REFERENCES

1. *Patriotizm kak faktor effektivnogo razvitiya rossiiskoi gosudarstvennosti* [Patriotism as a factor of effective development of the Russian statehood]. Moscow, Moscow House of Nationalities Publ., 2015. 368 p.

2. Abramov A.V. [Modern Russian patriotism as a marker of civic identity and society]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2014, no. 3, pp. 215–221.
3. Abramov A.V. [Modern Russian patriotism: what is it?]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2013, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 09.06.2018).
4. Aristotle. *Sochineniya. T. 4.* [Compositions. Vol. 4]. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 830 p.
5. Vilkov A.A., Kolesnikov K.Yu. [Features of the subject space of political analysis of patriotism]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2015, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 09.06.2018).
6. Lifshits M. *Mifologiya drevnyaya i sovremennaya* [Mythology ancient and modern]. Moscow, Art Publ., 1979. 582 p.
7. Magaril S.A. [Meanings of patriotism – historical transformation]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2016, no. 1, pp. 142–151.
8. Nersesyants V.S. *Politicheskie ucheniya Drevnei Gretsii* [Political doctrines of Ancient Greece]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 262 p.
9. Plato. *Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome* [Complete works in one volume]. Moscow, Al'fa-kniga Publ., 2016. 1311 p.
10. Popper K.R. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 1. Chary Platona* [The open society and its enemies. Vol. 1. Plato's spell]. Moscow, Feniks Publ., 1992. 44 p.
11. Hobsbaum E. Nations and nationalism since 1780 (Russ ed.: Vasiliev A.A., transl. Natsii i natsionalizm posle 1780 g. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. 305 p.).

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию 09.07.2018

Статья размещена на сайте: 19.11.2018

БЛАГОДАРНОСТИ / ACKNOWLEDGMENTS

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 18-411-860001 «Формирование гражданской идентичности как ресурс межнационального согласия в регионе»

The work is fulfilled within the grant no. 18-411-860001 «Civil identity formation as a resource of interethnic accord in the region».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мартынов Михаил Юрьевич – доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник Сургутского государственного университета; e-mail: martinov.mu@gmail.com

Габеркорн Алёна Игоревна – ассистент кафедры политико-правовых дисциплин Сургутского государственного университета; e-mail: gab_alena@mail.ru

Mikhail Yu. Martynov – Doctor of Political sciences, associate professor, chief researcher, Surgut State University; e-mail: martinov.mu@gmail.com

Alena I. Gaberkorn – assistant lecturer at the Department of Political and Legal Disciplines, Surgut State University; e-mail: gab_alena@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И. Концепт патриотизма в процессах формирования гражданской идентичности // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Martynov M.Yu., Gaberkorn A.I. The concept of patriotism in processes of civil identity formation. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2018, no. 4. URL: www.evestnik-mgou.ru